

Гендерные стереотипы как текстоорганизующий фактор*

Людмила Гришаева

Аннотация. Предмет исследования – взаимодействие прямых и переносных гендерных авто- и гетеростереотипов. Лингвистическими приемами согласно когнитивно-дискурсивной парадигме анализируются номинативные и дискурсивные стратегии, организация макротекста, взаимодействие вербального и невербального кода при реализации адресантом своей интенции. Фактор «гендер» трактуется как один из многих дискурсивных факторов, значимость которого можно определить только на фоне всего комплекса дискурсивных параметров. Предлагается адаптировать лингвистические методы и приемы анализа к гендерно маркированным, гендерно нейтральным и метагендерным языковым средствам.

Если проанализировать опубликованные на сегодняшний день гендерные исследования с точки зрения телеологической, то по критерию «цель» их можно весьма условно и предельно общо сгруппировать на две группы. Выделяя эти группы, сознательно выносятся за скобки понимание авторами соответствующих работ объекта, предмета их исследования, его методик, приемы анализа и способы верификации полученных наблюдений, а также научную парадигму, в пределах которой описывается изучаемый материал. С одной стороны, обращают на себя внимание исследования, **доказывающие** и / или **иллюстрирующие** с опорой на психологические, социологические, культурологические, лингвистические и пр. Закономерности внелингвистическое неравноправие полов в современном обществе. Даже если в таких работах и изучаются языковые средства, посыл в них по сути нелингвистический; поэтому, как свидетельствует результат анализа соответствующих исследований, такого рода работы в значительной мере близки к исчерпанию своего потенциала, поскольку штудии этого типа вводят в научных оборот все новые и новые иллюстрации закономерностей и тенденций, ранее уже выявленных и описанных с той или иной степенью детализации, не предлагая, как правило, иных трактовок функционирования материала. Список соответствующих исследований достаточно длинный, поскольку к выделенной группе можно отнести без особой натяжки работы первого этапа развития гендерных исследований в науках гуманитарного цикла.

С другой стороны, существуют исследования социолингвистические и / или социопрагматическо-лингвистические, **объясняющие** либо определенные социокультурные особенности в их тесной связи с закономерностями функционирования вербального кода, либо лингвокультурные константы с той или иной степенью достоверности и верифицируемости полученных результатов, а также – что нельзя исключать из рассмотрения – ангажированности авторов, осуществляющих исследования упомянутого типа (ср. мнение Д. О. Добровольского, А. В. Кириловой, М. С. Колесниковой, Р. К. Потаповой, И. И. Халеевой, О. Л. Каменской и мн. др. в указанных в конце статьи работах). Очевидно, будущее за исследованиями такого рода, так как их цель – выявить, каким образом прагматически релевантные факторы, к которым можно с полным правом причислить и

фактор «гендер», влияют, с одной стороны, на выбор адресантом средства именования предмета / процесса / свойства / ситуации и т.д., а с другой стороны – на результат интеракции в данных условиях. Выражаясь иначе, при обсуждаемом подходе исследователей интересует, каким образом функционируют языковые средства в тех или иных дискурсивных условиях в зависимости от фактора «гендер». И хотя в последнее время достигнуто единство мнений в понимании гендера как социокультурного явления, как социального конструкта, до сих пор в лингвистических исследованиях нет удовлетворительного ответа на вопрос, как именно гендерные стереотипы обуславливают организацию языковых средств в тексте, этот конечный продукт речемыслительной деятельности коммуникантов в определенных дискурсивных условиях, насколько специфично влияние гендерных стереотипов на функционирование языковых средств по сравнению с воздействием стереотипов иного типа. Необходимость подобного шага обусловлена тем, что лингвистика, накопив значительный методологический и методический потенциал собственно лингвистического исследования и описания социокультурно значимых феноменов, все еще не имеет способов адаптации существующих методик и приемов анализа к изучению и описанию гендерно маркированных языковых средств, а также теоретически непротиворечивых и адекватных интерпретаций соответствующих явлений¹. В связи с этим цель данной статьи можно определить как выяснение того, как фактор «гендер» обуславливает семантическую и синтаксическую макроструктуру текста, то

* В основе данной статьи – часть доклада, подготовленного автором данной работы для одного из заседаний международного семинара «Фундаментальная и прикладная лингвистическая гендерология. Вопросы методологии и преподавания», организованного в 2002 году Лабораторией гендерных исследований Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ) (руководитель: проф. А. В. Кирилина) при поддержке Института «Открытое общество» (Фонд Сороса).

¹ Годичный семинар (2002 г.) при лаборатории гендерных исследований убедительно доказал, что попытки, предпринимаемые в названном направлении – адаптация лингвистических приемов описания к гендерно ориентированным задачам, – можно признать перспективными. Подробные сведения о работе этого семинара можно почерпнуть из соответствующего сайта.

есть, иными словами, как стремление квалифицировать «гендер» как дискурсивный фактор.

Гендер как дискурсивный фактор

Раскрыть значимость того или иного дискурсивного фактора, в частности фактора «гендер», для интеракции определенного типа означает выявить по результату речемыслительной деятельности коммуникантов – тексту –, в каких условиях и между какими коммуникантами с какой целью состоялась коммуникация, а также по какой причине они выбрали именно эти, а не иные, потенциально возможные изофункциональные им, средства вербализации сведений, подлежащих овнешнению в соответствующих условиях интеракции. Очевидно, что изучение того, как влияет фактор «гендер» на выбор и функционирование языковых средств, целесообразно провести согласно когнитивно-дискурсивной парадигме (как ее трактует Е. С. Кубрякова; см. особо некоторые ее работы: Кубрякова, 1991; 1994; 2001; 2001¹; 2002; и мн. др.), поскольку соответствующие исследования стремятся выяснить, какими способами репрезентируются и активизируются сведения о мире, необходимые для осуществления той или иной интеракции.

Высокая объяснительная сила когнитивной лингвистики обусловлена тем, что независимо от школы и направления все ее версии

«объединяет стремление дать языковым фактам и языковым категориям психологическое объяснение и так или иначе соотнести языковые формы с их ментальными репрезентациями и с тем опытом, которые они в качестве структур знания отражают» (Кубрякова, 2001:8).

Выражаясь словами Е. С. Кубряковой, любой акт познания и взаимодействия с миром вещей и людей характеризует

«как сам язык, так и **пути и способы познания мира, особенности восприятия действительности** и, главное, **специфику чисто человеческой обработки информации**, приходящей к человеку **извне**, но классифицируемой и категоризируемой **внутри** его сознания и, конечно же, с помощью языка» (Кубрякова, 2000:7) (выделено Е. С. Кубряковой – Людмила Гришаева).

По этой причине когнитивно-дискурсивный подход позволяет учитывать всю совокупность сведений, актуализируемой в ходе интеракции при осуществлении речемыслительной деятельности коммуникантов.

Когнитивно-дискурсивные приемы исследования приемлемы в качестве основных методик также потому, что

«язык представляет семиотическую систему не только в силу существования слов и прочих единиц языка в виде знаков (символов), но и в силу того, что знаки оказывают на нас свое глубочайшее влияние. Семиотики по праву подчеркивают сегодня, что культура современного человека связана, помимо прочего, и с тем, **скольким вещам и по каким причинам** мы приписываем **знаковый характер** и какой именно... Но к числу таких «вещей» надо обязательно причислить и используемые нами в речевой и дискурсивной деятельности языковые знаки. Усваивая язык, мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний и, наконец, системы **ценностей**. Все, что не надо

нам в непосредственном, чувственном опыте, может быть достигнуто через языковое **описание**. Именно так мы овладеваем и знаниями предыдущих поколений, и многими теоретическими или же научными сведениями о мире» (Кубрякова, 2001 (а):33) – (выделено Е. С. Кубряковой – Людмила Гришаева).

Следовательно, теоретический фундамент – лингвистика в ее когнитивно-дискурсивной версии – адекватен цели предпринимаемого исследования.

В качестве материала для гендерно ориентированного когнитивно-дискурсивного анализа был избран макротекст, с помощью анализа которого попробуем проиллюстрировать взаимодействие гендерных стереотипов, с одной стороны, и некоторых механизмов вербализации как элементов номинативной стратегии², с другой стороны, в их тесной связи с результатами осмысления внеязыковой действительности. Материалом для анализа послужила книга Уллы Гаст под эпатажным названием «Der Mann. Anschaffung, Haltung, Entsorgung. Erfolgreiche Männererziehung» (1997). Уже из названия ясно, что композиционным стержнем данного макротекста как цельного продукта речемыслительной и дискурсивной деятельности являются гендерные стереотипы. При этом название, подзаголовки книги, семантическая макроструктура текста обуславливают восприятие читателя таким образом, что все содержание текста воспринимается адресатом однозначно: речь идет о уподоблении мужчины собаке.

Характерно, что к такому же выводу придет и тот, кто даже не успел и / или не смог познакомиться с заголовком и подзаголовком, поскольку на обложке имеется довольно выразительный рисунок, который не позволил бы адресату усомниться в своем первом предположении относительно того, с кем сравнивается мужчина: поза мужчины, используемая им посуда, мимика и жесты (подобострастное выражение глаз, направление взгляда снизу вверх, вытянутый язык, движение бровей, положение рук, напоминающее положение перед-

² Под **номинативными** стратегиями здесь понимается выбор адресантом из совокупности всех потенциально возможных изофункциональных гетерогенных средств именования как отдельных элементов картины мира (предметов, процессов, качеств и т.д.), так и ее фрагментов (ситуаций или комплексов ситуаций, связанных друг с другом причинно или аддитивно, постоянно или случайно). Во внимание принимаются самые разнообразные механизмы вербализации сведений о внеязыковой действительности, которыми язык как один из способов кодирования сведений о мире располагает в соответствующей лингвокультуре в определенный период жизнедеятельности социума: от лексико-семантических механизмов до грамматических, словообразовательных, текстограмматических и прочих.

Под **дискурсивными** стратегиями понимается совокупность аранжировки средств именования, какой она сложилась в соответствующей лингвокультуре для тех или иных дискурсивных условий. Такого рода аранжировка средств именования ситуаций возникает как следствие адаптации номинативных стратегий к разнообразным свойствам обоих интерактантов, к характеру интеракции, к интенции адресанта, к локальным, темпоральным и иным параметрам интеракции. При анализе целесообразно учитывать в том числе и последовательность речевых актов той или иной семантики и определенного типа (прямой, косвенный, гибридный речевой акт), средства выражения соответствующего речевого акта и пр., другими словами, стратегию порождения высказывания как такового, фиксируемую в конечном итоге в тексте и текстом с определенной структурой (Гришаева, 2001; Гришаева, Цурикова, 2003).

них лап собаки, галстук, по всей очевидности используемый в качестве поводка: непривычная длина галстука, его направление снизу вверх, степень его натяжения и т.п.) – вся перечисленная совокупность признаков не допускает иных интерпретаций: автор текста приравнивает мужчину собаке, отождествляя при этом женщину с хозяйкой собаки.

Любопытно, что такой же вывод сделают сразу же после первого знакомства с обложкой книги самые разные адресаты; характер, содержание интерпретации и степень проникновения в замысел автора не зависят ни от принадлежности к той или иной культуре, ни от уровня владения немецким языком, в чем позволил убедиться пилотный опрос представителей русской и немецкой лингвокультур (10 + 10 человек, поровну мужчин и женщин среднего возраста в обеих группах респондентов, которые не читали книгу Уллы Гаст и не слышали о ней ранее ни в какой связи). Всех респондентов спросили (1) об их прогнозе содержания книги, (2) о характеристиках мужчин / женщин в этой книге, (3) об основаниях для их предположений. Выяснилось, что все респонденты, не зависимо от уровня владения немецким языком, не воспринимают заголовков вообще, на него они обращают внимание лишь после рассмотрения картинки на обложке книги). Анализ результатов пилотного опроса показывает, что знания закономерностей текстотипологического варьирования, глубина проникновения в немецкую культуру, возраст или профессия, частота и длительность контактов с иными лингвокультурами также не обуславливают интерпретацию заголовка книги и рисунок: респонденты объясняют свою интерпретацию наличием у изображенного мужчины перечисленных выше внешних признаков, по которым они в других случаях опознают собаку, общающуюся со своим хозяином.

Содержание книги, помещенное сразу же за титульным листом, только укрепляет читателя в верности его интерпретации: даже беглое знакомство с оглавлением свидетельствует о том, что книга апеллирует к знаниям читателя о том, как принято в немецкой лингвокультуре рассказывать о том, как содержат собаку в домашних условиях, ср. названия разделов в оглавлении книги:

Vorwort

I. Überlegungen zur Anschaffung

Test

Verschiedene Männerrassen

Muss es unbedingt ein Rassemann sein?

II. Wie erziehe ich einen Mann?

Das richtige Training

Exemplarisches Trainingsprogramm

III. Was muss ich bei der Haltung beachten?

Konsequenz ist alles

Das Paarungsverhalten des Mannes

Die Körpersprache des Mannes

Die Lautsprache des Mannes

Kommunikationsprobleme zwischen Mann und Frau

IV. Die Eingewöhnung des neuen Mannes

Die ausschließliche Bezugsperson bin ich

Kommandoregeln

So mache ich ihn stubenrein

So geht er richtig an der Leine
Der Mann bleibt allein zu Hause
Das Apportieren
Der Mann darf mit
Wenn Männer zu sehr raufen
Belohnung und Bestrafung
Probleme und Hilfeleistung

V. Wie werde ich ihn wieder los?

Die Männerpension

Andere Bezugspersonen organisieren

Die Zeitungsannoncen

Das Aussetzen (, 1997:3-4.)

Таким образом, очевидно, что тип текста – инструкция по эксплуатации, рекомендация по использованию, (советы опытного собаководы начинающим) – становится самым первым «фильтром», направляющим восприятие и интерпретацию адресатом содержания текста. Культурно специфическое знание о семантических и синтаксических особенностях типа текста, который избрала Улла Гаст, чтобы высказаться относительно взаимодействия двух полов, убеждает читателя книги в том, что он имеет дело с пародией и что в своей пародии автор книги – а вместе с ним и читатель – опирается на глубоко укоренившиеся стереотипные представления о взаимодействии друг с другом мужчин и женщин. Сведения из концептов «феминность» и «маскулинность» без труда активизируются у адресата в опоре на текстовые макроструктуры, которые известны представителям соответствующей лингвокультуры вследствие их социализации в культуру.

Проследим на примере номинативных стратегий, осуществляемых на первых двадцати страницах (разделы книги «Предисловие», «Размышления перед приобретением»), как автор книги именует разные объекты внеязыковой действительности, в том числе и социальные феномены. Ниже в номинативных цепочках, критерием для выявления которых является идентичность референта, жирным шрифтом выделены единицы, конвенционально однозначно относимые в первую очередь к собаке и к процессу ее дрессировки; выражения, которые традиционно используются в пособиях по дрессировке собак, в данном контексте рассуждений специально не помечаются как таковые. Стоит обратить внимание также на то, что среди приводимых примеров в номинативных цепочках явно преобладает литературная, стилистически немаркированная лексика, как правило, не имеющая оценочных сем в семантической структуре соответствующих лексем. С точки зрения реализации дискурсивных стратегий в пародийном и оригинальном типе текста анализ также не зафиксировал каких-либо существенных различий, которые можно было бы трактовать как обусловленные влиянием какого-либо иного фактора, нежели «индивидуальные особенности адресанта». Сравним особо несколько наиболее значимых номинативных цепочек из первой трети книги, не характеризуя специально морфосинтаксические особенности их звеньев:

- женщина:

Bezugsperson für den Mann; Halterin; eine unabhängige Besitzerin; Anwärtlerin für einen Terrier; ein besonders

resolutes Frauchen = keine Männererhalterin; Besitzerin; Männerbesitzerin; unachtsame Männerhalterin;

- мужчина:

unterschiedliche Männerassen: **ungefähr vierhundert verschiedene Arten und Rassen**: Land- oder Stadtmensch, **Schlosshund**, Jäger (Streuner), Teilzeitmann; **Familientier**, **zähnenfletschender** Alltagstyrann, **Terrier** (Pascha), ein kämpferisches Temperamentbündel, Bulle, **die im Verlaufe mehrerer Zuchtgenerationen abgemilderten Terriertypen**, Dandie, Gesellschaftstier (Partner), Gesellschaftsmann, Begleitmann, **Windhund** (Schlitzohr), "Rennmaschinen", Gebrauchsmann (der Praktische), **Schlüthenhund**, der vom Hirten abstammende Mann, Workaholic (Arbeitstier), der vom Schutzmann abstammende Mann, Gebrauchsmann, **Rasemann**, zahlreiche **Mischformen**, Mischlingsmann; Neuerwerbung; der allen irdischen Genüssen zugewandte Hausgenosse;

- образ жизни

мужской:

sorgen mit rohem **Tierfleisch** und Pelzen für das Wohl ihrer Familie im Außenbereich; Gehilfe ihres Frauchens beim täglichen Erjagen des Geldes; Yuppies, Dinks (double income no kids); braucht viel Bewegungsfreiraum; es ist auf eine sehr gute **Gehorsamsschulung** zu achten; (kann) bei seinen ausgeprägten Streifzügen eines Tages ganz fern bleiben; als Begleitmänner gelegentlich gut einsetzbar; Babysitterdienste in Anspruch nehmen, natürlich ohne zu **knurren**; nicht auf ewig treusorgend bleiben;

женский:

waren für die Weiterverarbeitung und die nötige Nestwärme zuständig; lässt ihren Jäger an der Börse spekulieren; verschafft ihm eine Lizenz als Gebrauchtwagenhändler; **Alphaweibchen**;

- поведение

правильное для мужчины:

artgerechte Haltung; treuer Begleiter der Frau; gibt der Frau ein Stück Glück zurück; kann sogar als Familienghilfe eingesetzt werden; sich für seine Rolle als **Familientier** qualifizieren; das romantische **Schwanzwedeln**; partnerschaftlicher Umgang; **Abschreckung anderer Artgenossen**; zum eigenen Vergnügen der Besitzerin einsetzbar; sich für ein harmonisches Zusammenleben (mit der Frau) eignen; sich für lange Erfahrung als Begleitmann auszeichnen; dankbar sein, wenn sie (=Männer) in der neuen Partnerschaft ihren festen (untergeordneten) Platz zugewiesen bekommen; oft auch äußerste Knuddeligkeit; **der Besitzerin gegenüber seine volle Loyalität entfalten**; sich von seiner familiären Schokoladenseite zeigen; einer festen Aufgabe innerhalb der Partnerschaft beziehungsweise in der Familie nachgehen; Familienschlitzen durch tiefen Schnee ziehen: mit dem täglichen Einkauf betraut werden; manche Überraschungen für die Frau bereithalten; einer langjährigen Beziehung den nötigen Esprit verleihen;

правильное для женщины:

vor Ihrer (=Frau) Wahl unbedingt auf eine hohe Toleranzgrenze (des Mannes) achten; die Neuerwerbung auf die nervliche Zerreißprobe stellen; Kinder, Freundinnen, CD-Player für die nervliche Zerreißprobe einsetzen; seinen (=des Mannes) **Hang zum Rudelführer unterdrücken**; (dem Mann) in der neuen Partnerschaft **seinen festen (untergeordneten) Platz zuweisen**; (den Mann) ernst nehmen; Männer auf etw. **züchten**; ohne schlechtes Gewissen Haus, Hof und Kinder dieser treuen Sorte (=dem vom Hirten abstammenden Mann) überlassen;

неправильное для мужчины:

zähnenfletschende Alltagstirannei; aggressives Verhalten; Trotz-, Fremdel- oder Flegelphasen; sich auf den **Schwanz** getreten fühlen; **das Wühlen im Erdreich**; das Versumpfen in einschlägigen Kneipen als **genetisches Erbe des Terriers**; verbissenen Kämpfe mit seinem **Alphaweibchen**; mit den Augen jagen; **ständiger Auslauf als Ziel des Windhundes**; Freiheitsdrang; ihre Aufgabe lediglich in der Dauerarbeit sehen; zwischen sinnvoller Abwehr und egomanischer Tyrannei nicht unterscheiden können;

неправильное для женщины:

den **Windhund** unterschätzen; sich "Rennmaschinen" anschaffen; ein verkapptes Singleleben mit Versorgungsausgleich; zu Reinformen von Männern tendieren; sich selbst einengen; zu hohe Erwartungen an den neuen Mann stellen;

- отношения между мужчиной и женщиной:

с точки зрения женщины:

Kosten und Mühen stehen für Sie (=Frau) zum Aufwand, den ein Mann erfordert, im schlechten Verhältnis; Lassen Sie (=Frau) sich vor der Anschaffung eines Gelegenheits-exemplars gut beraten, sonst geht Ihr neuer Hausgenosse jämmerlich ein; Wunsch nach einem familienfreundlichen Partner;

для мужчины:

nimmt einen bestimmten Stellenwert heute im Leben einer Frau ein; gibt der Frau mehr Glück, als es ein Goldhamster je vermag;

- черты характера:

мужчины:

Jagd- und Beschützerinstinkt; besitzt nützliche Eigenschaften; kann viel Freude bereiten; **Anhänglichkeit bis zur Unterwerfung**, wohl dosierte **Beschützeigenschaften** und ein ebensolcher **Spieltrieb** als beim weiblichen Geschlecht noch immer gefragte Tugenden; Wachsamkeit als keine herausstechende Eigenschaft von ihm; ausgestattet mit einem freundlichen Wesen und einer aufgeweckten Art; Dankbarkeit; hervorragende Familienqualitäten; äußerste Knuddeligkeit; zurückhaltend und scheu; schwer einschätzbar; **Rudelinstinkt**; **ein ausgeprägter Schutzinstinkt**; als Mischform (von unterschiedlichen Rassen) liebenswerte Züge haben; oft die guten Eigenschaften von mehreren **Rasemännern** in sich tragen; (als Mischlingsmann) robuster als **Rasemann** sein, weil nicht **überzüchtet**;

женщины:

Vorsichtigkeit; Bedachtsamkeit;

- характеристика современного мира:

Zeit der sich auflösenden Familien und des kultivierten Singledaseins; Männer gibt es wie Sand am Meer. Auf Frau bis vierzig kommen im Schnitt zwei Männer. Nehmen Sie sich also Zeit mit der richtigen Wahl; Der schnelle Wandel der Zeit lässt hier einige Raster aus den Fugen geraten; liberalisierte Fortpflanzungsmethoden.

Подчеркнем еще раз, что в контексте рассуждений важно учитывать также и знания того, какими бывают в немецкой лингвокультуре тексты-рекомендации по выбору и приобретению собаки, уходу за ней, ее дрессировке и т.д., какие языковые средства функционируют в такого рода текстах, какие номинативные и дискурсивные стратегии при этом задействуются. Именно поэтому анализ номинативных и дискурсивных стратегий в названной книге позволяет, следовательно, су-

доть о том, какие ценности в соответствующем обществе наиболее значимы, какова иерархия этих ценностей, какова система отношений между определенными социальными группами, какие стереотипы актуальны в изучаемой лингвокультуре.

О справедливости предлагаемой трактовки говорит и невербально поданная информация: в книге 22 рисунка Лотара Райнхардта (Lothar Reinhardt) и еще по одному рисунку на обложке и титульном листе книги. Любопытно, что внешность мужчины вовсе не уподоблена собаке: стрижка, одежда, обувь, анатомическое строение, бытовые привычки (телевизор, пиво при отдыхе и т.д.) свойственны человеку; поэтому ясно, что в книге имеет место уподобление мужчины собаке скорее в социокультурном отношении. Тем не менее стоит упомянуть, что в шести случаях изображенный на рисунках мужчина однозначно копирует позы собаки, в девяти случаях поза мужчины напоминает собаку только в опоре на языковые средства, использованные в соответствующем разделе текста. Еще на девяти рисунках мужчина и женщина изображены в некотором взаимодействии друг с другом, причем женщина неизменно и явно доминирует, о чем свидетельствуют ее жесты и мимика. Соответствующая интерпретация была специально перепроверена при опросе представителей русской и немецкой лингвокультур.

Сила воздействия этих рисунков основывается также и на том, что в каждой лингвокультуре имеются длительная традиция персонификации различных животных и культурно специфичные прецедентные тексты, функционирование которых связано в том числе и с особенностями биоморфного кода, поскольку последний «отражает представления человеке о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев... Этот код культуры связан в первую очередь с **бытующими стереотипами**» (Красных, 2002:247) (выделено – Л. Гришаевой).

Интересен в этом смысле рисунок на с. 7: согласно ему мечтающая о друге дома женщина размышляет о мужчине, хамелеоне, крабе / пауке, крысе, уравнивая (!) первоначально шансы на место в своем сердце и в своем доме для них всех. Однако первый изображен улыбающимся, доброжелательным, а последние три выглядят на рисунке устрашающе, агрессивно. Поэтому решение женщины предпочесть мужчине всем остальным кандидатам обосновывается, хотя и довольно своеобразно – в буквальном смысле от противного. Следовательно, в обсуждаемой книге гендерные стереотипы обыгрываются двумя способами: с помощью вербального и невербального кодов; поэтому правомерно говорить, что в анализируемом случае исследователь имеет дело уже с семиотически осложненным, креолизированным, текстом, ср. выше в этой связи рассуждения о значимости рисунка для первичного прогнозирования содержания книги.

В книге представлены различные образы мужчины и женщины, и каждый из партнеров имеет свой собственный набор качеств и способов социального взаимодействия. Женщина рисуется в этой книге как личность чрезвычайно деятельная, социально активная, са-

мостоятельная и самодостаточная, цельная, не нуждающаяся в попукиании, приказах и контроле с чьей бы то ни было стороны. Мужчина же, напротив, являет собой полную противоположность женщине³ и служит фоном для более профилированной в самых разных отношениях женщины. Эти образы интересны и тем, что о мужчине пишет женщина (=автор книги), а иллюстрирует размышления женщины мужчина (=автор рисунков).

Таким образом, и читатель, и исследователь имеют дело с противоречивой и сложной игрой прямых и переносных авто- и гетеростереотипов вообще и гендерных в частности, ср. обобщение данных после анализа номинативных и дискурсивных стратегий в книге:

<i>женщина</i>	<i>мужчина</i>
выбирает	ждет, когда его выберут
обладает инициативой	социально пассивен
активна в любой ситуации	покорен, созерцателен
имеет право на оценки	ждет оценки своим действиям
оценивает мужчину с точки зрения его «полезности»	служит интересам женщины
приказывает	ожидает приказов от женщины
прерывает без размышлений любое, даже жизненно важное, занятие другого	мирится с проявлением воли другого - женщины
довольно агрессивна, тверда	миролюбив, мягок, стоворчив
обладает качествами лидера	не имеет качеств лидера
лидирует практически в любых ситуациях	легко подчиняется женщине
доминирует в любой обстановке	уступает инициативу другому
знает, что хочет	как правило, не имеет желаний
не считается с мнением, планами, желаниями других, прежде всего, с желаниями мужчины	подчиняет свои желания и планы мнению и желаниям других
заботится о своих подопечных-мужчинах (еда, телевизор и т.п. для них)	принимает заботу о себе
не жестока: галстук-поводок не натянут	ласков
	привязан к «хозяину»
	страдает, если он более не нужен своей хозяйке

Известно, что представления / ожидания того, что «я думаю, что обо мне думают», свидетельствуют в большей степени о субъекте стереотипа, нежели о его объек-

³ Ср. данный вывод с мнением Т. Клименковой относительно различий между мужчинами и женщинами в современном обществе: «Непрерывный надзор, которому подвергается женщина, должен привести (и приводит) ее к инфантилизации во всех сферах жизни, включая образование, она находится под контролем мужчины, имеющего реальную власть, осуществляемую еще и через общее значение политических институтов» (Клименкова, 1993:9).

те, то есть читатель больше узнает об ожиданиях женщин, чем о собственно мужчинах, а именно: женщина хотела бы полной свободы выбора, женщина стремится к равноправию во всех видах деятельности и во всех жизненных сферах. Акцентирование доминирования женщины, рассказ о мужчине как о полностью зависимом от женщины существе, требования к мужчине с точки зрения его «полезности» в быту и для женщины, очевидно, следует понимать как обратную сторону медали реальных фактов, как стремление выдать желаемое за действительное (ср. мнение относительно взаимодействия гендерных авто- и гетеростереотипов в работах (Базылев, 2000; Шидо, 2001; Слышкин, 2002; Табурова, 2000; Двинянинова, 2001; Гусейнова, 2002; и др.)). Логично сделать комментарий относительно того, насколько все-таки устойчивы даже в современном немецком обществе, осознающем необходимость осознанной, внятной и корректной гендерной политики, традиционные и для патриархального общества гендерные стереотипы. Очевидно, это умозаключение позволяет экстраполировать теоретический вывод С. Ушакина относительно распространенных и в России последних десятилетий концепций феминизма:

«И концепция женских элит, и концепция эгалитарного феминизма, и концепция социогендерных отношений имеют вполне отчетливые следы своего патриархального происхождения. Пока эти следы напоминают скорее родимые пятна, чем защитную окраску. Или вернее, этикетку. Идеологического товара» (Ушакин, 1998:14).

Насколько представленная интерпретация замысла Уллы Гаст соответствует действительности, можно убедиться, сравнив мнение, представленное в проанализированном макротексте, с иными точками зрения носителей той же лингвокультуры, например с мнением Йенса-Оливера Гааса, изложившего 101 причину для жизни без женщин и охарактеризовавшего в конце книги своего издателя как «получателя приказов» (*Befehlsempfänger*) в силу своего опыта женатого человека:

“Mein Verleger hat mich gebeten, dieses Buch versöhnlich zu beenden. Aber mein Verleger war ja auch schon mal verheiratet. Insofern hat er als Befehlsempfänger mehr Erfahrung als mit der Vergabe von Ordnern, und wir wollen ihm diesen Lapsus durchgehen lassen, indem wir ihn ignorieren” (1999:115).

Сопоставимая с изображенной выше картина получается и по прочтению книги Герлис Циллгенс, которая называет свои причины оптического, ольфакторного, акустического, орального, гаптического, гигиенического, гороскопального, остзонального (то есть связанного с ГДР), сексуального и иного характера, по которым жить женщинам с мужчинами нельзя. Таким образом, средством достижения комического эффекта в книгах названных авторов является апелляция к знаниям читателями стереотипов об отношениях между мужчинами и женщинами, об ожиданиях обоих полов, а также о конвенциональных формах, в которых эти ожидания и представления обычно передаются в тех или иных условиях иным представителям лингвокультурного сообщества. Следовательно, и в этих книгах фактор «гендер» становится стержневым при организации цельного текста в семантическом и синтакси-

ческом отношениях и аранжировки языковых (а в ряде случаев и невербальных) средств реализации интенции адресанта при овнешнении сведений о мире; знание прямых и переносных гендерных авто- и гетеростереотипов становится, таким образом, основой для адекватного понимания и условием для успешного диалога между коммуникантами.

Анализ книги Уллы Гаст с целью изучения роли гендерных авто- и гетеростереотипов в организации семантической и синтаксической структуры макротекста позволяет предположить, что писательница и художник иронизируют над стереотипными представлениями тех, кто полагает, что женщины в обществе унижены и что общество акцентирует по преимуществу их биологическую природу в ущерб их иной ипостаси, кто стремится утвердиться в социуме за счет другого. Следовательно, две точки зрения на социум, изложенные в анализируемой книге, – условно говоря женская и мужская – не только не противоречат друг другу, но, напротив, дополняют друг друга, создавая более объемную картину взаимоотношений мужчин и женщин.

Обобщая наблюдения над макроструктурой текста, в котором главную текстоорганизующую функцию выполняют гендерные стереотипы, отметим принципиальное сходство в том, какие сведения, хранимые в концептах «маскулинность» и «фемининность», активизируются в трех разных по композиции, объему и типу текста книгах, созданных в одной лингвокультуре приблизительно в одно и то же время. Обратим при этом внимание на то, что фактор «гендер» модифицирует главным образом дискурсивные стратегии, то есть аранжировку средств именования объектов / лиц / признаков / процессов / ситуаций, адаптируя их к конкретным дискурсивным условиям. Благодаря соответствующей адаптации номинативные стратегии, свойственные одним дискурсивным условиям (например, тип текста «инструкция по эксплуатации» в случаях с книгой Уллы Гаст или «научный доклад» в книге Герлис Циллгенс: *оптические, ольфакторные, остзональные, акустические* и пр. причины), транспонируются в иной тип дискурса и интерпретируются иначе, дополнительно активизируя сведения из гендерных «мужских» и «женских» авто- и гетеростереотипов.

Анализируя макротекст с гендернолингвистических позиций, стоит акцентировать, что при порождении макротекста задействованы, прежде всего, следующие механизмы вербализации: тип текста, лексемы, группы слов различных структур как разнородные и разнообразные средства именования различных объектов (человека, собаки, их черт характера, их видов деятельности, их образа жизни предметов обихода и т.д.), синтаксические структуры, характер и тип речевого акта как средства выражения соответствующего речевого акта, тип дискурса и др. Поясним механизмы активизации обсуждаемых сведений, эскизно наметив пока только два, как представляется, решающих для дискурсивной адаптации аспекта:

1. ТИП ТЕКСТА как совокупность сведений о протипической организации элементов вербального кода при реализации определенной интенции акти-

визирует знания о характере языковых (лексических, грамматических и пр.) средств, «специализирующихся» на функционировании именно в данном типе текста, и о способах аранжировки соответствующих средств; знания о принципах варьирования соответствующего инварианта. В конкретном случае описываемый тип текста – это руководство по уходу за собакой, поэтому у коммуниканта актуализируются когнитивные структуры, в которых хранятся сведения о содержании собаки в городских условиях. Это в свою очередь приводит к активизации способов именования референтов «человек: мужчина», «человек: женщина» и «собака», «хозяин собаки», а также «виды деятельности собаки и ее хозяина при их общении в тех или иных условиях», «качества собаки, поощряемые человеком», «качества собаки, требующие подавления» и др.

2. РЕФЕРЕНЦИЯ средств именования собаки к референту «человек, а именно мужчина» способствует осмыслению задействованных в тексте языковых средств как метафорических обозначений предмета рассуждений, что неизбежно приводит к эксплицитному и / или имплицитному сопоставлению прямых и переносных номинативных средств применительно к одному и тому же референту, первичных и вторичных номинативных стратегий в данных дискурсивных условиях, потенциалов и их реализации, что, естественно, не может не вызвать комический эффект (пародия, ирония).⁴

Таким образом, очевидно, что тип текста – это исходная точка для интерпретации, своего рода рамка, предопределяющая и направляющая восприятие текста адресатом (ср. аналогичные выводы, полученные в ходе наблюдения над другим типом текста и влиянием фактора «гендер» на его организацию (Гришаева, 2000; 2001; 2001₁; 2001₂; 2002)). Под воздействием типа текста как одного из механизмов вербализации сведений о внеязыковой действительности **снижается** множественность способов интерпретации содержания, именно поэтому адресат адекватно реагирует на предлагаемую адресантом трактовку отношений между мужчинами и женщинами, реферируя средства именования собаки, ее образа за жизни, ее качеств и т.д., к парадигматически и конвенционально невероятному референту – человеку, мужчине. Сделанные обобщения тем более важно подчеркнуть, что традиционно в разных культурах распространена иная перспектива осмысления действительности: персонификация животных, растений и / или предметов обихода, иных артефактов, неживой природы; именно поэтому уподобление человека животному становится таким эффективным средством изучения социокультурных феноменов лингвистическими приемами и методами.

Сделанный вывод подтверждает еще один маленький «эксперимент»: пяти молодым мужчинам, представителям различных лингвокультур и разных субкультур, не владеющим немецким языком, была предъявлена книга с просьбой определить, не читая ее, о чем в ней идет речь. Ни разу не было ошибки: бросив беглый взгляд на рисунок на обложке и пролистав и просмотрев имеющиеся в книге рисунки, респонденты мужчины всякий раз отождествляли мужчину из книги с собакой, а женщину – с владелицей собаки по однозначно опознаваемым ими признакам:

- для *мужчины*: поза, выражение лица, положение головы и т.д.,
- для *женщины*: жесты, мимика,
- предметы обихода, свидетельствующие о типе образа жизни и его субъекте (коврик у двери / на полу, посуда) и т.п.⁵

На вопрос об авторстве (мужчина или женщина?) и о цели такого рода книги мнения, как правило, разделяются: во-первых, часть респондентов считает, что автором является женщина, желающая показать, как с ней обходится мужчина; во-вторых, часть опрошенных убеждена, что автором является мужчина, передающий то, как женщины мыслят себе отношение с мужчинами. Оснований для выявления каких-либо определенных тенденций в этом отношении результаты опроса не дали.

Весьма показательно сравнение обобщений, полученных из наблюдений за средствами выражения авто- и гетеростереотипов в проанализированных макротекстах, с формулировкой положительных автостереотипов мужчин и женщин, как их представляет в своем исследовании К. Шмидт. Так, положительный автостереотип немецкой женщины состоит из следующих характеристик (ср. интерпретацию концептов «феминность» \ «маскулинность» в работах последних лет (Кирилина, 1999; 2000; Кон, 2001; Рябов, 2001; 2002; Цурикова, 2001; Лейвен-Туровцева, 2001; Словарь гендерных терминов, 2002; Горошко, 1998; 2001; Брант, 2000; и др.)):

- позитивная социальная ориентация, которая связана с социальной зависимостью (например, дружелюбная, эмоциональная, тактичная, чувствительная, нежная, зависимая, незащитная);
- ориентация на телесную привлекательность (например, интерес к внешности) (Schmidt, 1988:32).

Позитивный автостереотип немецкого мужчины складывается из следующих компонентов:

- первичная нейтральная или отрицательная социальная ориентация, которая связана с контролем за поведением и социальной независимостью (например, агрессивный, доминантный, самоутверждающийся, соревнующийся,

⁴ Кстати, все мужчины воспринимают соответствующие карикатуры с юмором, без горечи и досады. Некоторые из них заявляют, что «на чужую глупость не обижаются». Примечательно в этой связи, что есть женщины, которые полагают, что «так им (то есть мужчинам) и надо».

⁵ Причины сходства интерпретаций у представителей различных лингвокультур здесь сознательно не обсуждаются.

объективный, контролирующий эмоции, независимый);

- вторичное положительное социальное ориентирование (в семейных и личностных отношениях) (например, дружелюбный, нежный);
- деловая компетентность, которая включает в себя необходимые для профессионального успеха психические качества (технично-математический интерес, технико-математические способности, ум, аналитические, рационально-объективные, эмоционально независимые, пробивные способности) (там же).

Таким образом, очевидно, что гендерные характеристики коммуникантов и гендер как фактор, обуславливающий выбор и функционирование языковых средств в макротексте, не обязательно является первичным для исключительно всех типов интеракции. Поэтому для лингвистической гендерологии целесообразно и продуктивно интерпретировать гендер как один из дискурсивных факторов (см. подробнее (Гришаева, 2002,); ср. Понимание дискурса в работах (Арутюнова, 1990; Цурикова, 2002; Карасик, 2002; и др.)). Соответствующие обобщения, думается, могут направить ныне чрезвычайно актуальные для лингвистической гендерологии исследования гендерной референции и лингвистическое конструирование гендерной идентичности в несколько иной русло, побудив лингвистов изучать соответствующие явления не на уровне лексем, а в дискурсе и / или тексте.

Выводы

Гендер целесообразно рассматривать в системе целого ряда факторов, значимых для результата той или иной интеракции, квалифицируя этот фактор как дискурсивный, то есть рассматривая его воздействие наравне с другими дискурсивными факторами. Интерпретация фактора «гендер» как дискурсивного означает, что он не является априорно решающим при выборе языковых средств в любом типе интеракции. Поэтому теоретический интерес представляет исчисление интеракций, в которых дискурсивный фактор «гендер» действительно предопределяет выбор коммуникантами средств вербализации своей интенции. Это предполагает разработку таких процедур лингвистического анализа, которые позволяют надежно вычленить влияние именно дискурсивного фактора «гендер» из «симфонии» влияния прочих дискурсивных факторов на результат речемыслительной деятельности коммуникантов в тех или иных дискурсивных условиях.

В ряде случаев гендер как дискурсивный и / или текстоорганизующий фактор нейтрализуется. В подобных случаях потенциально могут быть использованы либо гендерно маркированные средства, либо метагендерные (как их принято называть в Московской лаборатории гендерных исследований). Когнитивно-дискурсивно ориентированный анализ позволяет объяснить характер и качественный состав номинативных и дискурсивных стратегий, с помощью которых адресант решает свои задачи в конкретных условиях определенной интеракции.

Для исследователя-лингвогендеролога, следовательно, на первый план выдвигается задача целенаправленной последовательной адаптации лингвистических приемов и методов анализа результата речемыслительной деятельности к каждому из названного выше типов языковых средств, чтобы уяснить, какие механизмы вербализации более или менее «чувствительны» к дискурсивному фактору «гендер».

Минимальной единицей анализа того, как дискурсивный фактор «гендер» влияет на выбор языковых средств, должна быть не лексема, не группа слов, не противочлен грамматической категории или же не изолированный речевой акт, а дискурс и / или текст. Это позволяет выявить то, как гендер модифицирует номинативные и дискурсивные стратегии, изучаемые в естественных условиях своего бытования, то есть в дискурсе, в живой ткани межличностного общения, сотканной вербальными и невербальными кодами.

Описанный подход сможет, как представляется, стать основой для выработки рекомендаций по благотворному воздействию на социокультурные практики с помощью языковых средств, не тратя усилия на изменение только номинативных стратегий коммуникантов, то есть на способы именования того или иного референта без учета дискурсивных условий, и избегая «неэкономных» с точки зрения тексто-лингвистической решений.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. (1990). Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. Энциклопедия.
2. Базылев, В. Н. (2000). Брачное объявление: опыт интроспективного анализа // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 108-136.
3. Брант, Г. А. (2000). Природа женщины. – Екатеринбург: Гуманитарный университет.
4. Вурм, Б. (2001). Поэтичность и эротическая метафора: заметки к некоторым ранним текстам формалистов с точки зрения деконструктивистской гендерологии // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады на Первой международной коммуникации / Ред. И.И. Халеева. – М.: МГЛУ, – С. 99-113.
5. Галина, М. (1993). Биологическое назначение пола // Преображение. – С. 28-30.
6. Гендерный калейдоскоп (2001). / ред. М.М. Малышева. – М.: Academia.
7. Горошко, Е. (1998). Особенности мужского и женского стиля письма // Преображение - № 6. – С. 48-64.
8. Горошко Е. И. (2001). Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков-Москва: Издательская группа «РА-Каравелла».
9. Григорян, А. А. (2001). Гендерные лингвистические исследования в США (70-89-е годы XX столетия) // Социальная власть языка / Ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ. – С. 96-101.
10. Гришаева, Л. И. (2001). Перевод как когнитивно-коммуникативная деятельность. // Социокультурные проблемы перевода. / Ред. Н.А. Фененко. – Воронеж: ВГУ. – Вып. 4. – С. 32-44.
11. Гришаева, Л. И. (2002). Вербальная составляющая стратегии на установление контакта как культурно-специфическое явление (на материале немецких и русских брачных объявлений). - Гендер: язык, культура, коммуникация: Документы второй международной конференции / Ред. И.И. Халеева. – М.: МГЛУ. – С. 92-106.

12. Гришаева, Л. И. (2002). Переводной текст как источник сведений о языковой личности // Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. Ученые записки. – Вып. 4. – Курск: Из-во РОСИ. – С. 171 – 188.
13. Гришаева, Л. И. (1999). Пол коммуникантов как прагматический феномен. // Гендер: язык, культура и коммуникация. – Материалы первой международной конференции. – М.: МГЛУ. – С. 38-39.
14. Гришаева, Л. И. (2001). Объект комплимента в гендерном измерении // Гендер: язык и культура. / Ред. А.В. Кирилина. – М.: МГЛУ. – С. 152-161
15. Гришаева, Л. И. (2001). Культурно-специфические социальные стереотипы и реализация коммуникативной стратегии в немецком и русском брачном объявлении // Гендер: язык, культура, коммуникация. – М.: МГЛУ. – С.36-37
16. Гришаева, Л. И. Анекдот как способ фиксации социальных норм и морально-этических ценностей социума // Эссе о социальной роли языка / Ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ. – С. 169-179.
17. Гришаева, Л. И. (2001). Бытовой анекдот как средство культурной идентификации // Проблема национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации // Ред. М.К. Попова. – Воронеж: ВГУ. – Т. 1. - С. 25- 34.
18. Гришаева, Л. И. (2002). Гендер и специальный язык // Гендер как интрига познания. (Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации) / Гл. ред. И.И. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 47-56.
19. Гришаева, Л. И., (2003). Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ.
20. Гусейнова, И. А. (2002) О некоторых формах представления гендерного аспекта в коммерческих дескриптивных рекламных текстах // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 57-65.
21. Двинянинова, Г. С. (2001). Комплимент: коммуникативный статус или стратегия в дискурсе? // Социальная власть языка / Ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ., – С. 101-106.
22. Двинянинова, Г. С. и Савчук П.А. (2001). Коммуникативная роль поэмы в американской лингвокультуре XX века (на материале художественных текстов // Социальная власть языка / Ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ. – С. 256-262.
23. Добровольский, Д. О. и Кирилина А.В. (2000). Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 19-35.
24. Каменская, О. Л. (2002). Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 13-19.
25. Кирилина, А. В. (1999). Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Из-во “Институт социологии РАН”.
26. Кирилина А. В. (2000). Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания / Ред. А.В. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 47-80.
27. Кирилина, А. В. (2001). Особенности и тенденции развития гендерных исследований в российской лингвистике // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады на Первой международной коммуникации / Ред. И.И. Халеева. – М.: МГЛУ. – С. 32-47.
28. Кирилина, А. В. (2002). Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 20-27.
29. Клименкова, Т. (1993). Феминизм как культурная позиция // Преображение. – С. 3-9.
30. Колесникова, М. С. (2002). Лексикографические аспекты современных гендерных исследований // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 28-36.
31. Кон, И. С. (2001). Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп / Ред. М.М. Малышева. – М.: Academia. – С. 209- 229.
32. Красных, В. В. (2002). Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис.
33. Кубрякова, Е. С. (2001). Размышления о судьбах лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. - № 1 (7). – С. 28-34.
34. Кубрякова Е. С. (2001). О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. - № 1. – С. 3-9.
35. Кубрякова, Е. С. (2002). Когнитивная лингвистика и проблемы композиционной семантики в сфере словообразования // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 61.–, № 1. – С. 13-24.
36. Кубрякова, Е. С. (1991). Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. Введение, разделы 1, 2, 3, часть 1. – М.: Наука, 1991. – С. 4-185.
37. Кубрякова Е. С. (1994). Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия РАН, Сер. Лит. и яз. - Т. 53. - № 2. – С. 3-15.
38. Основы гендерных исследований (2001). // Хрестоматия. – М.: Центр гендерных исследований.
39. Потапов, В. В. (2002). Современное состояние гендерных исследований в англоязычных странах // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 94-117.
40. Потапова, Р. К. (2000). Секслект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 137-150.
41. Рябов, О. В. (2001). «Матушка-Русь». – М.: Ладомир.
42. Рябов О. В. (2002) Гендерные аспекты межкультурной коммуникации: социально-философский анализ // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М. – С. 37-46.
43. Словарь гендерных терминов. (2002). Ред. А.А. Денисова. – М.: Информация.
44. Слышкин, Г. Г. (2002). Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания / Ред.И.И. Халеева. – М. – С. 66-73.
45. Табурова С.К. (2000). Эмоции в речи депутатов бундестага: мужские и женские предпочтения // Гендер как интрига познания / Ред. И.И. Халеева. – М.: Рудомино. – С. 168-191.
46. Теория и методология гендерных исследований (2001). / под ред. О. А. Ворониной. – М.: Московский центр гендерных исследований.
47. Ушакин, С. (1998). Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме. // Научно-литературный альманах «Преображение». Феминистский журнал. - № 6. – С. 5-16.
48. Халеева, И. И. (2000). Гендер как интрига познания // Гендер как интрига познания / Ред. Халеева И.И. – М.: Рудомино, 2000. – С. 7-18.
49. Халеева, И. И. (2001). Гендер в теории и практике обучения межкультурной коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады на Первой международной коммуникации / Ред. И.И. Халеева. – М.: МГЛУ. – С. 7-11.
50. Цурикова, Л. В. (2002). Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. – Воронеж: ВГУ.
51. Цурикова, Л. В. (2001). Политическая корректность как социокультурный и прагматический феномен // Эссе о социальной власти языка / под ред. Л.И. Гришаевой. – Воронеж: ВГУ. – С. 94-102.
52. Шидо, К. В. (2001). Репрезентация женского и мужского образа в рекламном слогане // Социальная власть языка / Ред. Л.И. Гришаева. – Воронеж: ВГУ. – С. 250-256.
53. Kothhoff, H. (2001). New perspectives on gender studies in discourse analysis // Гендер: язык, культура, коммуникация. Доклады на Первой международной коммуникации / Ред. И.И. Халеева. – М.: МГЛУ. – С. 11-32.

54. Référence Larousse sciences de l'homme dictionnaire des la sociologie. (1993). Sous la direction de R. Bondin. - Paris cedex 06.
55. Reiffenstein, Ingo. (2000). Frauenbriefe des 18. Jahrhunderts als sprachgeschichtliche Quellen. In: Sprachgeschichte als Textsortengeschichte. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gotthard Lerchner. Peter Lang. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien. S. 281-296.
56. Roggausch, W. (1997). Einige Notizen zur Begriffsbildung in den Geisteswissenschaften. In: Info DaF 24, 6, S. 796-807.
57. Schmidt, C. (1988). "Typisch weiblich – typisch männlich". Geschlechtstypisches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen. – Tübingen: Niemeyer Verlag.
58. Schnell, R. (Hrsg.) (2000). Kultur der Gegenwart. Themen und Theorien, Formen und Institutionen seit 1945. Verlag J.B. Metzler. Stuttgart-Weimar.
59. The Encyclopedia Dictionary of Sociology. (1991). R. Lachman (ed.) – The Dushkin Publishing Group, Inc. Guilford, Connecticut.
60. Weinrich, H. (1985). Fremdsprachen als fremde Sprachen // Weinrich H. Wege der Sprachkultur. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. – S. 195-220.
61. Wierlacher A., Albrecht, C. Fremdgänge. (1998). Eine anthologische Fremdeitslehre für den Unterricht Deutsch als Fremdsprache. – Inter Nationes Bonn.

Источники примеров

1. Gast, U. (1997). Der Mann. Anschaffung, Haltung, Entsorgung. Erfolgreiche Männererziehung. Eichborn. Der Verlag mit der Fliege. Frankfurt am Main. – 63 S.
2. Haas, J. O.. (1999). 101 Gründe, ohne Frauen zu leben. – Rake Verlag, Fulda – 119 S.
3. Zillgens, G. (1999). 101 Gründe Ohne Männer zu leben. Rake Verlag, Rendsburg. – 117 S.

Liudmila Grišajeva

Teksto organizavimas pagal lyties stereotipus

Santrauka

Pateikiamo straipsnio tyrimo objektas – tiesioginių ir netiesioginių lyties stereotipų sąveika. Straipsnyje analizuojamos norminės ir diskurso strategijos, makroteksto organizavimas pagal kognityvinę – diskurso paradigmą, verbalinio ir neverbalinio kodo įtaką. Lyties faktorius analizuojamas kaip vienas iš daugelio diskurso veiksnų, kurio reikšmę galima nustatyti tik įvertinus visus diskurso parametrus. Įvairiems lyties raiškos aspektams tekste tirti siūloma taikyti lingvistinius metodus ir analizės būdus.

Straipsnis įteiktas 2003 11
Parengtas spaudai 2004 12

Автор

Людмила Гришаева, проф., Воронежский Государственный Университет, Россия.

Области научных интересов: лингвистика.

Адрес: Воронежский Государственный Университет, ул. Хользунова 40В, 394065 Воронеж, Россия.

DOI: 10.5755/j01.sal.1.6.43200